

Г. С. Рогонян

ФИЛОСОФСКОЕ СОМНЕНИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ЗНАНИЯ

Работа представлена кафедрой онтологии и теории познания

Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель - доктор философских наук, профессор С. В. Никоненко

В статье обсуждается вопрос о статусе сомнения в философском скептицизме. На примере критики Л. Витгенштейном аргументов Дж. Э. Мура ставится вопрос о необходимости концепту-

ального диагноза теоретических предпосылок философской языковой игры сомнения. В рамках контекстуального анализа этих предпосылок, проводится различие между практическим контекстом референции к объектам и ее грамматическим описанием.

The object of the article is a status of doubt in philosophical scepticism. Using L. Wittgenstein's critique of G. E. Moore's arguments, the author of the article postulates the necessity of a conceptual diagnosis of theoretical preconditions for a philosophical language game of doubt. Within the framework of the contextual analysis of these preconditions the author differentiates between the practical context of reference to objects and its grammatical description.

Традиционное указание на слишком необычный для повседневной жизни статус философского сомнения не является весомым аргументом против скептика. Устойчивость скептического сомнения в истории философской мысли является не просто застарелым концептуальным недоразумением, но свидетельствует о существовании особой языковой игры со своими правилами и логикой. Специфичность скептического сомнения требует для себя особого *диагностического* исследования, которое должно выявить условия осуществления *игры* философской рефлексии в ее отличии от языковых игр повседневного сомнения. Речь в этом случае уже не идет о просто концептуальном злоупотреблении. Систематичность концептуальной ошибки приводит к тому, что она обростаёт правилами, становится догмой и может быть положена в основу новой языковой игры. Одним из правил этой философской языковой игры является то, что сомнение в ней не может быть разрешено обычными средствами повседневной практики, что для этого потребуются новые способы его разрешения. В качестве примера такого *диагноза* можно обратиться к реконструкции Л. Витгенштейном концептуального злоупотребления в высказываниях скептика и реалиста. В своих заметках Витгенштейн заявляет, что опровержение скептицизма в духе Дж. Э. Мура, т. е. в виде утверждения «физические объекты несомненно существуют», абсолютно бессмысленно (см. § 35)¹. Витгенштейн начинает с того, что нельзя опровергать скептическое сомнение с помощью все-

го лишь констатации некоего знания, которое никак практически не проявлялось бы. Витгенштейну важно показать бессмысленность такого рода опровержений скептицизма, поскольку для скептика они важны, и он рассчитывает на них. Источник бессмысленности, точнее, иллюзии смысла, у скептического сомнения и его опровержений в духе Мура один. Острие критики Витгенштейна смещено здесь с сомнения скептика на утверждения реалиста. Поправка и критика Витгенштейна в адрес суждений здравого смысла Мура состояла не только и не столько в том, что сомнение в этих достоверных суждениях бессмысленно, но и в том, что некоторые из этих суждений в принципе бессмысленны, т. е. бессмысленно и их *утверждение*. В качестве источника бессмысленности Витгенштейн выявляет концептуальную путаницу, в результате которой утверждение «физические объекты существуют» истолковывается скептиком и реалистом как эмпирическое, т. е. проверяемое и подверженное ошибке. Иными словами, «физические объекты существуют» для реалиста и скептика является всего лишь гипотезой, которая еще только требует своего подтверждения. В основе этой путаницы лежит то, как скептик и реалист понимают и разделяют понятия «объекта» и «существования». Витгенштейн отмечает: «§ 36. Наставление "А является физическим объектом" мы адресуем тому, кто пока еще не понимает - либо того, что означает "А", либо - что значит "физический объект". Стало быть, это - наставление об употреблении слов, а "физический объект" - это ло-

гическое понятие (подобно цвету, величине...). Вот почему нельзя [корректно] сформулировать такое предложение, как "физические объекты существуют"². Если «физический объект» является логическим понятием и принадлежит нашему логическому и семантическому словарю, то в качестве такового оно не подходит для формулировки эмпирических гипотез о существовании. В качестве логической категории понятие «физический объект» управляет нашими гипотезами и сомнением, но само не может стать их «темой» в наших рассуждениях о повседневных объектах. Как только мы делаем «темой» именно «физический объект», мы выходим из языковой игры, в которой возможно формулирование гипотез, и вступаем в игру, в которой имеем дело уже не с единичными объектами, а с грамматикой, т. е. с *описанием* первой, референциальной, языковой игры. Наставление об употреблении слов («А является физическим объектом») является наставлением в грамматике, которое отличается от обучения значению слов на конкретных примерах, путем острого указания и т. д., а это, следовательно, уже совершенно другая - например, обучающая языковая игра. Выражение «физический объект» поэтому является элементом грамматики практической референции, а не термином, который обозначал бы некоего рода объекты, встречаемые на практике. С другой стороны, в качестве категории выражение «физические объекты» присутствует - в каждом случае референции к единичным объектам в рамках конкретных языковых игр, поскольку логическая категория «физических объектов» является обобщением практики единичных референций, а не единичных предметов. Необходимо иметь в виду это различие между *практикой* референции и ее *грамматикой* и не смешивать их, как это происходит в суждении «физические объекты существуют». Вне конкретных референциальных практик возможно только их грамматическое опи-

сание, но не некая общая мета-референция к ним, как полагают реалист и скептик. А разговор о «физических объектах», «цвете», «величине» как таковых это и есть описание, или грамматическое наставление, а не референция. Но, пытаясь спасти осмысленность наших высказываний об объектах повседневной практики от скептического сомнения, мы (как реалисты) по инерции соглашаемся говорить со скептиком о «физических объектах». Тем самым мы повторяем его незаконный жест, используя логический словарь для референции. С учетом всего вышесказанного первый шаг в рамках исправления грамматики употребления эпистемических терминов заключается в следующем: знание о существовании объектов проявляется иначе, поскольку бессмысленно просто знать, что объекты существуют, т. е. знать об их существовании как о «что» вне практического контекста той или иной референции. У нас нет общей категории существования, которую бы мы использовали в каждом конкретном случае, приписывая ее как предикат тем или иным объектам. Каждый раз мы говорим о существовании чего-либо, если угодно, по аналогии с другими случаями, опираясь на конкретные примеры, сравнивая с ними, а не на основании некоего общего логического знания о существовании вообще. Всякое знание, в том числе и знание о существовании, должно быть сведено к тому, *как* мы это нечто знаем, *как* мы знаем о его существовании, в качестве чего, ради чего и т. д. Если обратиться к другому суждению здравого смысла, о котором говорит Мур, - «это - моя рука» - и сравнить его с суждением «физические объекты существуют», то станет очевидной фундаментальная разница между ними. Нам кажется вполне естественным, по крайней мере, законным, использовать иногда выражение «я знаю» в случае, когда речь идет о «моей руке» или «моей боли». Это кажется совсем не бессмысленным, просто это, в каком-то смыс-

лс, излишне, но вполне допустимо. Как правило, рука или боль не являются объектом моего знания, поскольку достоверность нашего телесного существования часто в том и состоит, что его не надо *знать*, чтобы исходить из него и на нем основываться. Тем не менее, если нам удастся найти подходящий (но относительно непривычный) контекст для утверждения «я знаю, что это моя рука», например, в случае возможной ампутации или несчастного случая, то у этого утверждения уже будет вполне определенный эпистемический статус, поскольку оно будет осуществлять референцию к объекту (моей руке), не обладающему обычной повседневной степенью достоверности и в отношении которого вполне возможна ошибка. Витгенштейн отмечает: «§ 23. Если я не знаю, сохранил ли кто-то обе свои руки (скажем, в случае возможной ампутации), то я поверю его заверению, что у него две руки, заслуживай он доверия. Если же он говорит, что знает это, то я могу лишь предполагать, что он был в состоянии убедиться в том, и, выходит, его руки, к примеру, пока еще не скрыты гипсом, бинтами и т. д. и т. д. Я считаю, что этот человек достоин доверия, поскольку признаю, что он имеет возможность убедиться. Для человека же, говорящего, что, пожалуй, не существует никаких физических объектов, такая возможность не предусматривается»⁵. Утверждение «я знаю, что это моя рука» в данном случае может быть подвергнуто эпистемической оценке. Почему бы, заключаем мы *по инерции*, все-таки не допустить ту же самую возможность и для утверждения «физические объекты существуют»? Именно этой «естественной» логике поиска возможных контекстов для утверждения «физические объекты существуют» и следует реалист: настаивая на осмысленности этого утверждения, он опирается на естественную для нас возможность вообразить себе некий возможный контекст употребления этого предложения. Тем са-

мым мы истолковываем его как еще одно эмпирическое суждение, основанное на опыте и восприятии. Вот здесь и вступает скептик. Соглашаясь с тем, что это эмпирическое суждение, и, следовательно, основано на опыте, он характеризует его, как и в случае с рукой, не как достоверное, но как гипотетическое, поскольку у нас нет критериев для подтверждения его достоверности. Однако в предположении о том, что существование мира это только гипотеза, есть нечто, достоверность чего сомнению скептиком не подвергается, но служит основанием для заключения о гипотетичности и недостоверности всего нашего знания о мире. Классический аргумент скептицизма заключается о том, что достоверно существуют результаты только одной способности - деятельности воображения, опирающейся на чувственные данные восприятия. Все, с чем мы имеем дело, это только образы или чувственные данные, не предполагающие с необходимостью какую-либо реальность, находящуюся «за» ними. Действительно, скептицизм не может заявить: «возможно, и образы (чувственные данные) не существуют». Скептик лишь протестует против придания им онтологической значимости, т. е. их связи с какой бы то ни было реальностью, хотя он и не выступает против их собственного онтологического статуса: образы и чувственные данные в качестве посредников *достоверно существуют*. Однако допущение существования этих образов и чувственных данных в точности копирует оспариваемое им допущение существования объектов внешнего мира. Эпистемологическое предшествование чувственных данных гарантирует им достоверный и безошибочный характер, которым не обладает наше знание о столах и стульях. Они обладают *внутренней* достоверностью моего сознания, в отличие от достоверности внешнего мира. Тогда как о существовании материальных объектов мы судим только на основании гипотетического вы-

вода из этих чувственных данных, хотя они и не предоставляют для этого вывода никаких гарантий. Поэтому суждение «физические объекты существуют» для скептика выглядит лишь как одно из возможных объяснений происхождения наших чувственных данных. Однако «внутренняя» референция к этим чувственным данным копирует при этом правила референции к обычным объектам. В таком случае, если продолжить за скептика дальше его линию рассуждения, статус знания о существовании своих чувственных данных ничем не будет отличаться от гипотетического знания о существовании материальных предметов. То есть оно также будет гипотетическим и подверженным логической возможности ошибки. Однако логический статус «чувственных данных» тот же, что и у «физических объектов», т. е. грамматический и описательный. Чувственные данные **не** существуют в том смысле, в каком существуют столы и стулья, это всего лишь логическая категория. Витгенштейн говорит об этом следующим образом: «§ 53. ...можно признать, что Мур был прав, если истолковывать его в таком духе: предложение сообщающее, что здесь есть физический объект, может иметь такой же логический

статус, какой имеет предложение, сообщающее, что здесь есть красное пятно»⁴. Указание на красное пятно выступает как указание на ощущение красного (чувственно данное), к которому скептик мог бы свести восприятие стола, если бы пятно имело еще и форму стола, ведь существование цветных пятен в моем восприятии, считает скептик, не подлежит сомнению. Поэтому, так же как в случае «физических объектов», эпистемологическая гипотеза о «непосредственном знании своих чувственных данных» становится бессмысленной в силу бессмысленности лежащей в ее основе онтологической гипотезы об их существовании. Следовательно, «чувственные данные», как и «физические объекты», не существуют и их нельзя знать, поскольку это только правила описания существования конкретных предметов и чувств в конкретных ситуациях. Понятие «физический объект» уже предполагает практически обнаружимое существование, на основе которого оно может быть употреблено как описательное понятие. Поэтому нет необходимости ни в каком новом существовании помимо того, которое уже утверждается в акте единичной референции: «это рука» уже подразумевает «рука существует».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее в скобках указываются номера параграфов по изданию *Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1.* / Пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994.

² Там же. С. 328.

³ Там же. С. 326.

⁴ Там же. С. 330.